

ОТ АВТОРА
СКАНДАЛЬНОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА "ДУРА"

Александр Дунаенко

ПРИНЦЕССА,
ДОЧЬ КОРОЛЯ

Рассказы Александра Дунаенко... Сейчас о них говорят, что они опередили своё время. Редакторы «толстых» журналов хвалили автора за мастерство и отказывали в публикации по причине «неформата». Но ни отмена цензуры, ни гласность так и не открыли Александру дороги в «правильную» литературу. «Свет» произведения «неформатного» писателя увидели уже при появлении Интернета.

Новеллы Дунаенко трудно отнести к какому-либо определённому жанру, хотя большинство его рассказов — о любви, об отношениях мужчин и женщин. В них и эротика, и ирония, и фантасмагория.

В сборнике «Принцесса, дочь короля» представлены произведения 80-х годов, которые вы с интересом читаете сейчас, и которые когда-нибудь будут открытием во взрослой жизни для ваших детей и внуков.

Александръ Дунаенко ПРИНЦЕССА, ДОЧЬ КОРОЛЯ

ПРИНЦЕССА, ДОЧЬ КОРОЛЯ

*Посвящается
Джулии*

История эта кошмарная, и, не приведи Господи, кому из вас такое пережить. У меня и сейчас в руке дрожит перо...

А вышло всё оттого, что вздумал я, старый пень и дурак, в 35 лет жениться.

Говорят, что рожать в этом возрасте уже будто бы трудновато, а вот жениться — в самый раз. Созрел, мол, нагулялся. Остепенился. Не знаю. Если в жизни всего наделался, то, скорее, помирать пора, а не жениться.

Красавица моя временно проживала в Москве и училась на журналистку. А я готовился получить диплом культурного человека в специальном институте, где пять лет учат играть на балалайке, а первые три года — читать и писать. Институт, само собой, тоже находился в Москве, общежитие наше поставили на ремонт, а меня, за хорошую учёбу,

поселили в ДАСе — общежитии Московского университета. Первую неделю я ходил овцой по ихнему общежитию и пялил глаза на росписи, выполненные пещерным человеком, на курящих девочек и чёрных негров, которые рассаживались вокруг кадки с пальмой и чем-то напоминали Африку.

Я чуть было не окунулся во всю интересную атмосферу дискуссий и жарких прений, каковые разводили здесь люди исключительного мозгового размаха. Но тут эта женщина злополучная попалась. Вроде, как шлагбаумом, она отсекала мне путь к живому общению с талантливой молодёжью ДАСа.

Да, да, она была красавицей. Иначе я не пролил бы суп на её ночную рубашку. В той самой, знаменитой «дасовской» столовой, тихонько я двигал свой поднос к кассе и случайно оглянулся. Ну и негритянка... Ну и негритяночка! 35 лет жил, не знал, что такие негры на свете бывают. По телевизору их, что ли, выборочно всегда показывали? Да и здесь, в ДАСе, сплошь синие, губастые, с плоскими лбами — страшно смотреть. А тут — вполне европейская будто бы женщина, только губы сочно-красивые, чувственные, каких в Европе не делают, да кожа... Что кожа — у нас в Актюбинске, в Мугоджарском районе, и почерней

девочку можно отыскать.

Наверное, я, как все мужчины, сволочь, потому что хочется рассказать и про стройность её, и про большие глаза голубые, и про волосы, что длинные, вьющиеся, до самого пояса.

Ну, что она, скотина какая, что я о ней всё — с ног до головы, как о лошади. Ещё бы про зубы похвалился... Да, и зубки у неё были, хотя и несколько крупноваты, но хороши поразительно.

И вот на эту улыбку я натолкнулся со своим подносом, ожёгся об эти глаза. И был бы я последний чурбан невоспитанный, если бы не уронил весь обед, не облил ей супом ночную рубашку, и — не опрокинул себе на голову стакан сметаны потом, когда увидел, каких дел натворил, и как трудно будет теперь всё исправить.

Джулия (она — Джулия!) рассмеялась так, что миллион жующего в зале народу вздрогнул. Ей, конечно, было жаль заграничного своего платья, которое я, деревня, принял за ночную рубашку. Жаль, потому что от нашего советского супа «харчи» бессильны пятновыводители, нужны ножницы, но вид меня в сметане, по-видимому, с запасом покрыл издержки несчастного случая.

Сразу стало видно, что я — человек

необычайно острого ума, но, что более важно (как сказала мне потом сама Джулия), что я влюблён в неё без памяти.

Вечером я пошёл к Джулии извиняться. В голове был сумбур, как будто часть супа попала ещё и туда. Как найду? Что скажу?

Дверь. Звонок. Джулия. Мы разговариваем. Джулия не сердится, совсем не сердится и много смеётся. Русский она знает плохо. Знает английский, французский, итальянский, несколько каких-то своих. Я со словарём знаю все языки. Но жадно вслушиваюсь в обрывки русских слов.

В Африке есть маленькое государство Калликсо и Джулия — обыкновенная принцесса, дочь короля. Их страна отказалась культивировать у себя язвы капитализма. Сейчас Калликсо очень нужны свои адвокаты, журналисты, философы. Лучших своих людей правительство посылает на учёбу к нам, в Советский Союз. Я смотрю на Джулию восторженными глазами: она — лучшая. Она — самая лучшая. Прихожу к ней пять, десять раз — пропадаю. Что у них ещё за порядки — ходить почти нагишом. Ну, этот её «нагиш», правда, не совсем «нагиш». Карден бы заплакал, а то и вовсе слёг. Древний художник росчерком в несколько линий сделал ей наряд: так одевали

богинь. Я хотел посмотреть, как их раздевают. Я взрослый человек, мне скоро сорок. Вечер. Мягкий розовый свет в комнатке Джулии. Мы одни. Я протянул руку, и тут послышалось тихое противное шипение. Бог с ней, с любознательностью. — Что это у тебя шипит. Джулия? Чайник, что ли? И тут, рядом с девушкой, появляется голова кобры... Так, ничего особенного: сплюснутая голова пружинисто покачивается на изогнутой струне туловища. Ещё этот... язычок, туда — сюда. Я, конечно, сразу за девушку испугался, встать не могу, белый весь. А она смеётся. Это, говорит, Кесси. Кесси живёт вместе с ней в общежитии и, по поручению богов, охраняет Джулию.

У них в стране очень серьёзно относятся к браку. До свадьбы возле каждой девушки живёт такая кобра, и ещё не бывало случая, чтобы под венец попала не девственница.

Джулия, ты помнишь старый круглый стол, на котором творили свои бесчинства бояре старой Москвы? Как вообще такой стол мог попасть в ДАС? И даже — такие столы?...

На каждом этаже их было по два, на каждом столе — следы страстей трёхсотлетней давности. На этих столах любили, рубили головы, четвертовали, за этими столами пили и устраивали спиритические сеансы.

В ДАСе столы украшали крохотные пазухи в длинных коридорах общежития.

Джулия, ты помнишь, ты приходила ко мне в 211-ю? Девушке неприлично находиться в комнате мужчин, мы шли на круглый стол. К свиданию ты одевалась так, что во всём ДАСе бледнело электричество. Мини — разве можно такое мини! Колготки — что ты делала с бедными мальчиками ДАСа? Губы — зачем тебе этот шок в коридорах, зачем пожар?!..

Садилась на древний стол: стройная нога на стройную ногу — (а что ты делала со мной? — но я всё время помнил о Кесси) — садилась, брала в тонкие пальцы свою импортную цыгарку. Зачем куришь? С трёх лет, с трёх лет... Ну и хватит, зачем нам рахиты? Море, бананы, апельсины. Да, хорошо у вас. Самое лучшее у вас — это твои глаза, Джулия. Твои голубые, синие, зелёные, бирюзовые... чёрт, как они меняются... ты чистокровная калликсянка?

Странно: кожа, голубые глаза. Можно, я коснусь губами твоей кожи? Ваш Бог разрешает? Наш? О! Наш разрешает всё, а потом на том свете наказывает. Можно, да? можно?...

* * *

В поезде двое суток в купе. Чай. Суп из солдатской мисочки. За окном остатки лесов. Ночью с верхней полки я протягиваю руку к Джулии. Она внизу. Я слышу кончики её пальцев. Полумрак. Сопят соседи по купе. И мне кажется, что, на соседних полках, спят проклятые змеи.

Наутро я в радостном волнении: колёса поезда въехали на актюбинскую землю.

Яйсан, Мартук, Каратогай — красота-то какая! Что-то мне папа с мамой скажут...

Я им вообще-то писал, что приеду с невестой, но не посвящал в подробности. Зачем заранее сообщать, что, мол, принцесса, и ещё полцарства в Африке в придачу.

Да, Джулия что-то там говорила об алмазных приисках, залежах урана. Её папа втихаря уже бомбу делает. Если всё будет хорошо, бомбу он отдаст нам с Джулией. Будет ли всё хорошо?

Со своим папой я договорюсь, а вот что скажет мама? На словах мы все интернационалисты, а когда доходит до дела... Вот у нас, в Растсовхозе, грек вздумал на испанке жениться, так между семьями чуть резня не вышла. Совхоз узнал, что все греки пархатые, а испанцы, только недавно, кушать стоя научились. А тут — калликсянка чернокожая.